АБЬЮЗ

Этот текст – последняя итерация пьесы, написанной для одноименного спектакля, премьеры которого состоялась 21 ноября 2017 года в Центре имени Мейерхольда. С того момента, как пьеса была принята к постановке, ее сюжет, последовательность событий и диалоги претерпели значительные изменения.

Над структурой и последовательностью сцен мы работали вместе с **Еленой Ковальской**, арт-директором Театрального Центра имени Мейерхольда. Она же помогла сократить количество персонажей, объединив их функции, что повлияло на фабулу пьесы. Диалоги между Мариной (**Мария Милешкина**) и Иваном (**Кирилл Комаров**) дописывались в актерских этюдах, а визуально значимые для спектакля эпизоды – например, праздник-сон в начале спектакля, а также другие элементы снов и флешбеков – были придуманы и вставлены в повествование режиссером спектакля **Иваном Комаровым**; за ним было последнее слово во всем, что касалось действия на сцене. Он же предложил актрисе **Юлии Шимолиной**, претендовавшей первоначально на роль матери Марины, сыграть в спектакле роль трикстера.

Отдельно стоит отметить вклад Юлии в создание ее роли – трикстера, комментирующего действия пьесы. Ее образ – в черно-белой “маске откровения” из телепрограммы конца 1990-х “Моя семья” – стал визуальной эмблемой всего спектакля. Для удобства в тексте трикстер так и называется – Юлия; пусть это будет постоянным напоминанием о том, что вы читаете не совсем пьесу, а текст конкретного спектакля, поставленного Иваном Комаровым¹.

Действующие лица:

МАРИНА, 28 лет

ИВАН, 28 лет, муж Марины

МАРАТ, 33 года, любовник Марины

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, отец Марины

АННА АЛЕКСАНДРОВНА, мать Марины

ВЕРА, 28 лет, подруга Марины

ЮЛИЯ, трикстер, судья, ведущий

¹ С Иваном Комаровым мы познакомились осенью 2016 года на партнерской драматургической лаборатории Вячеслава Дурненкова. В лаборатории участвовали режиссеры и драматурги. Драматурги предлагали идеи спектаклей, а режиссеры их выбирали – так образовались пары режиссер-драматург, которые работали над эскизами спектакля. Наш эскиз “Абьюз” победил в соревновании за номинацию на грант Департамента культуры Москвы от Центра Мейерхольда; грант мы впоследствии получили. Продюсер Олег Соколов провел кастинг актеров, которые составили дружную команду и регулярно играли спектакль на сцене Центра Мейерхольда в течение пяти лет, до февраля 2022 года.

СЦЕНА 1

МАРИНА, МАРАТ, ЮЛИЯ.

МАРИНА полулежит на диване и нервически трясет ногой. Она смотрит на стакан на столе. Привстает, переставляет стакан ближе к центру стола. Лежит, трясет ногой, смотрит на стакан. Переставляет стакан обратно. Лежит, трясет ногой. Переставляет стакан ближе к центру стола. В другой комнате звонит будильник. Через некоторое время входит МАРАТ – он в трусах и футболке.

МАРАТ. *(оценивая)* Угу. Доброе утро!

МАРИНА. Доброе утро!

(целуются)

МАРАТ. Я все проспал.

МАРИНА. Можешь взять мою щетку.

МАРАТ. Спасибо. Ты давно не спишь?

МАРИНА. Я перевела тебе цитату. “За каждой истиной следует скандал”. Или “Истине предшествует скандал”. Зависит от контекста. Про что твоя монография?

МАРАТ. Если ты не ешь, то пей хотя бы воду, стакан воды с утра очень полезен.

МАРАТ наливает воду в стакан себе, протягивает МАРИНЕ, она игнорирует, он пьет сам.

МАРИНА. Как ни странно, на английский это легче перевести, чем на русский.

МАРАТ. А мне как раз на английский и надо. *(находит упаковку таблеток на столе)* Ты сколько выпила?

МАРИНА. Ты по-английски пишешь?

МАРАТ. Эти таблетки очень сильные.

МАРИНА. Наверняка эту писательницу уже переводили на английский.

МАРАТ. Тебе их врач выписал?

МАРИНА не отвечает

МАРАТ. Недавно наблюдал девочку-подростка. Ее посадили на таблетки год назад – и уже совершенно подавленная воля.

МАРИНА. Марат, мне выписал их врач.

МАРАТ. Из поликлиники.

МАРИНА. Да.

МАРАТ. Никто не назначает таблетки отдельно от разговорной терапии.

МАРИНА. Она мне не нужна, я все про себя знаю.

МАРАТ. Это типичное заблуждение.

МАРИНА. Я была у психологов несколько раз, все заканчивалось тем, что я два часа пересказывала свою жизнь, а они кивали. С таким же успехом я могу выговориться тебе.

МАРАТ. Близкие дают поддержку, терапевт помогает разобраться с причинами состояния.

МАРИНА. Послушай, я знаю причину своего состояния.

МАРАТ. Иван?

МАРИНА. Я переживаю за Леру.

МАРАТ. Самообвинение, тревога, бессонница – это серьезные симптомы. Они из более глубоких пластов. Давай я тебе дам номер хорошего терапевта.

МАРИНА. Ты уже давал.

МАРАТ. Это другая. *(записывает номер)*

МАРИНА: Само пройдет

ЮЛИЯ: *(рвет бумажку)* Само пройдет! Само пройдет. Само пройдет. *(Подходит к микрофону)* Само проаааабьюз! Пьеса! Сцена вторая!

СЦЕНА 2

МАРИНА, ВЕРА, АННА АЛЕКСАНДРОВНА, ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, ИВАН, ЮЛИЯ

Сон/флешбэк. За столом ВЕРА и МАРИНА. Им по пять лет. Они смотрят на торт в центре стола и послушно ждут, когда мама угостит их. АННА АЛЕКСАНДРОВНА смотрит в окно и курит, наслаждаясь музыкой.

ЮЛИЯ. Праздник в доме Серовых! Здесь есть все, о чем только можно мечтать!

МАРИНА. Мама, а это сметанный торт?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Сметанный.

МАРИНА. Ура! Мой любимый!

ВЕРА. А когда мы будем его есть – когда вернется маринин папа?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Да, когда вернется маринин папа

В дверь кто-то постучал, но никто не слышит. В дверях появляется мальчик ИВАН.

ИВАН. Здравсте, а Марину можно?

Никто не обращает на него внимания.

ИВАН. Ладно... Я тогда позже зайду.

ИВАН уходит. ВЕРА и МАРИНА вместе наизусть читают стихи Олега Григорьева²:

ВЕРА Однажды...

МАРИНА. ...Сережа

ВЕРА. ...и Оля!

МАРИНА. ...Попали

ВЕРА. ...в магнитное

МАРИНА. ...поле!

ВЕРА. ...Напуганные

МАРИНА. ...родители

ВЕРА. ...еле их

МАРИНА. ...размагнитили.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. А давайте не будем его ждать. Вы сегодня вели себя очень хорошо, как и всегда, и заслужили этот торт.

МАРИНА и ВЕРА. Ура!

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Угощайтесь, детки.

Дети аккуратно начинают есть. АННА АЛЕКСАНДРОВНА с умилением наблюдает за процессом. В дом заходит ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Он выглядит прекрасно, в его руках букет цветов и два леденца на палочках.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Привет, котики!

Дети рады его приходу, они встают и направляются к нему. ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ обнимает МАРИНУ и дает ей леденцы.

ЮЛИЯ. Петр и Алексеевич и Анна Александровна влюбленно смотрят друг на друга. Они общаются мыслями, слова им не нужны. Анна Александровна мысленно предложила Петру Алексеевичу подойти к столу поужинать. Петр Алексеевич мысленно сказал, что она прекрасно выглядит сегодня и что сейчас он больше хочет танцевать с ней, потому что музыка, которую выбрала Анна Александровна очень подходит под ее сегодняшнее платье. Петр Алексеевич и Анна Александровна танцуют.

В дверях появляется мальчик. Это снова ИВАН.

ИВАН. Здравсте, а Марину можно?

ЮЛИЯ. Нет.

ИВАН. Хорошо... Я тогда позже зайду.

² Я хотела найти детские стихи, которые были бы маркером интеллигентной столичной семьи в 1990-е. Олег Григорьев был поэтом ленинградского подполья, наследовал традициям обэриутов и сравнивался с Хармсом. Стихи Григорьева стали популярны в Перестройку и постсоветские годы.

ЮЛИЯ. Насладившись танцем, Петр Алексеевич предложил Анне Александровне уложить детей спать. Анна Александровна счастлива.

МАРИНА. Мама, а можно я сегодня с тобой посплю?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Хорошие девочки спят в своих комнатах. Ты же у нас хорошая девочка.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ уводит МАРИНУ и ВЕРУ. АННА АЛЕКСАНДРОВНА остается одна. Появляется призрак ее матери – это тоже ЮЛИЯ. Обе закуривают от свечи. АННА АЛЕКСАНДРОВНА и ЮЛИЯ движутся симметрично вдоль стола.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Мама?

ЮЛИЯ. Я увидела, что у вас праздник, и решила, что должна быть здесь.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Садись. Марина уже ушла спать, жаль, что ты не ее увидишь.

ЮЛИЯ. А я не к Марине, я к тебе. Зачем мне Марина?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Не знаю, она же твоя внучка.

ЮЛИЯ. Какое Марине до меня дело, а мне до нее? Я пришла к тебе.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. У меня все хорошо.

ЮЛИЯ. Вижу, что ты хочешь, чтобы все думали, что у тебя все хорошо. Ты всегда жила напоказ.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Если ты пришла меня оскорблять...

ЮЛИЯ. Выглядишь плохо.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Просто не выпалась...

ЮЛИЯ. Ты вдвое младше меня, а выглядим мы одинаково, извини, но так быть не должно.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Ты безжалостна.

ЮЛИЯ. Жалеть человека нельзя, ему от этого вред. И себе³.

В дверном проеме появляется мальчик. Это снова ИВАН.

ИВАН. Здравствуйте, а Марину можно?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА и ЮЛИЯ смотрят на Ивана и одним и тем же жестом указывают в сторону детской.

ИВАН. Хорошо. Я тогда лучше пойду.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА и ЮЛИЯ тушат свечи.

СЦЕНА 3

³ Цитата из пьесы Максима Горького "Васса Железнова". Мать Анны Александровны цитирует Горького, потому что она старая коммунистка.

ИВАН, МАРАТ, ЮЛИЯ

Улица. Зима. ИВАН стоит, вжав голову в плечи. Лера пальцем рисует узоры на дубленке отца. Приезжает автобус. Лера⁴ стирает ладонью с дубленки все, что нарисовала. Из автобуса выходит МАРАТ, подходит к ИВАНУ и Лере.

МАРАТ. Вы Иван? Марина не смогла приехать, я заберу Леру.

ИВАН. Почему не смогла?

МАРАТ. Плохо себя почувствовала. (*Лере*) А ты почему не застегнута? Холодно же.

ИВАН. Ты кто вообще такой?

МАРАТ. Мы на ты не переходили. Я друг Марины, меня зовут Марат.

ИВАН. Друг, да? Значит, ты этот ее психотерапевт...

МАРАТ. Я не ее терапевт.

ИВАН. Просто друг, да? Тогда с какого хрена я должен тебе отдавать ребенка?

МАРАТ. Послушайте, я не выяснять отношения пришел. Марина не может выйти из дома. Она попросила забрать Леру.

ИВАН. Ты кто такой?

МАРАТ. Я помогаю Марине. Она сейчас в трудной ситуации.

ИВАН. А ты всем женщинам в трудной ситуации помогаешь?

МАРАТ. Я не понимаю, зачем перед девочкой устраивать скандал?

ИВАН. Какое твое дело?

МАРАТ Вы травмируете ребенка.

ИВАН и МАРАТ замирают, к ним подходит ЮЛИЯ

ЮЛИЯ. Этот человек пытается забрать у вас ребенка. А что вы чувствуете при этом? Гнев, да? Хочется его схватить, да, потрясти, оттолкнуть, бросить на землю, забить ногами? Покажите (*показывает сама*), вот так, да: на! Ну, сделай хоть что-нибудь, он же спит с твоей женой! Строишь из себя хорошего отца? Да ты ребенка видишь раз в неделю, даже не знаешь, во что ее одеть и чем накормить. Лучше вообще без отца, чем с таким как ты. А вы, вы действительно считаете, что вам отдадут чужого ребенка? Ха-ха, а ребенка вам не отдают. Да ты вообще кто такой? Понаехали тут. Паспорт покажи! Ты кто такой? Отдай ему ребенка – в Бишкеке найдешь! (*свистит в свисток*)

ИВАН и МАРАТ начинают драться.

⁴ В пьесе нет реплик девочки Леры, дочери Марины, поэтому актрисы, которая бы ее играла, в спектакле нет. В этом коротком эпизоде мы лишь предполагаем ее присутствие. Некоторые зрители считали, что девушка, которая ходила по сцене с живой камерой в руках и снимала фрагменты взаимодействий персонажей – это повзрослевшая Лера и ее перспектива всех событий.

ЮЛИЯ. Обострили повествование! Круто, когда два актера начинают драться на сцене? Конечно, в жизни два интеллигентных человека не стали бы бить друг друга при ребенке. Но у нас же театр! И условия спектакля таковы, что мы должны их столкнуть. Драматург налил тоски, режиссер заставил артистов бить друг другу морды. Очень оригинально! Плохо поставленная драка на авансцене. Камера снимает. Херовые актеры, мутная драматургия, удивительная постановка! Интересно, что будет дальше?

СЦЕНА 4

МАРИНА, ВЕРА, ИВАН.

Флэшбэк. День рождения МАРИНЫ, ей исполняется шестнадцать лет. МАРИНА и ВЕРА танцуют под Rammstein. МАРИНА залезает на стол. Крутят косяк, потом курят его, музыка замедляется. МАРИНА и ВЕРА садятся на диван. Едят торт руками и разговаривают.

ВЕРА. На самом деле это так просто. Как есть и пить, как плавать или ездить на велосипеде. Я будто изучала всю жизнь иностранный язык по песням и книгам. А теперь, оказывается, я могу на нем говорить.

МАРИНА. Как красиво.

ВЕРА. Я чувствую, что все будет! Что я могу быть рядом с человеком, которого люблю. Без страха его потерять, а только с радостью, что он есть.

МАРИНА. А он что говорит?

ВЕРА. Он говорит, что я пахну морем. Я все ощущаю по-новому. Запахи, вкусы. Я даже похудела от волнения, видишь, как одежда болтается.

МАРИНА. Здорово.

ВЕРА. Вот говорят, жизнь: полоса черная, полоса белая. И я чувствую, что моя черная полоса кончилась, и началась белая. И мы с ним на этой полосе – неуязвимы. И я даже не хочу знать ничего плохого.

МАРИНА. А что может быть плохого?

ВЕРА. Я хочу принимать все, как есть. Я не хочу стесняться, не хочу бояться быть не такой, как надо. И хочу, чтобы он был тем, кто он есть. Хочу, чтобы мы были свободными и чтобы мы были вместе.

МАРИНА. И все-таки кто он?

Раздается стук в дверь. ИВАН в дверях.

ИВАН. Привет, Марин. Я тут поздравить тебя пришел.

МАРИНА. Ну, поздравляй.

ИВАН. С шестнадцатилетием.

МАРИНА. Спасибо

ИВАН. У тебя есть парень?

МАРИНА. Нет

ИВАН. Будешь моей девушкой? / Будь моей женщиной!⁵

МАРИНА. Ладно. / *МАРИНА в ответ прыскает со смеху.*

Садятся на стол. МАРИНА глупо улыбается. ИВАН достает из кармана пачку сырных Cheetos.

ИВАН. Хочешь читос?

МАРИНА. Нет.

ИВАН. Поцелуемся?

МАРИНА. (смущаясь) Может, потом?

ИВАН. Потом я весь буду в Читосе.

МАРИНА соглашается. По-детски и быстро чмокаются в губы / Целуются бурно и он заваливает ее на стол, затем под обратную перемотку Rammstein ИВАН убегает из комнаты, как будто замечая следы. МАРИНА продолжает извиваться на столе.

СЦЕНА 5

МАРИНА, ИВАН.

Комната взрослой МАРИНЫ, она дома одна. Входную дверь отпирает ИВАН, входит.

ИВАН. Привет

МАРИНА. Что тебе надо?

ИВАН. Новая прическа?

ИВАН приближается, МАРИНА ускользает.

ИВАН. Красивая.

МАРИНА. Зачем ты пришел? У тебя вопросы какие-то остались?

ИВАН. Домой пришел.

МАРИНА. Это не твой дом.

ИВАН. Сядь. Давай поговорим.

МАРИНА. Верни ключи.

ИВАН. Иди сюда.

МАРИНА. Я тебя слушаю отсюда внимательно. Ключи верни.

⁵ Исполнитель роли Ивана в спектакле говорил “Будь моей женщиной!”, а не “Будешь моей девушкой”, как было написано в пьесе изначально; первоначальный вариант сцены был более детский и невинный, без намека на сексуальное насилие, но с указанием, что Иван и Марина начали встречаться еще в подростковом возрасте, совсем еще детьми. В спектакле же Иван, несмотря на оставшиеся детские реплики (“хочешь Читос?”) ведет себя маскулинно и агрессивно: за коротким разговором – секс, которого Марина не хочет.

ИВАН показывает на пальто. МАРИНА идет к пальто. Не находит в карманах пальто ничего. ИВАН показывает, что ключи в руках. МАРИНА подходит и протягивает руку, он не дает. МАРИНА садится рядом.

МАРИНА. Хорошо, говори.

(пауза)

МАРИНА. Ты пьян.

ИВАН дышит на нее.

ИВАН. Я вообще не к тебе пришел, я к ребенку пришел.

МАРИНА. Она спит. Не надо ее трогать!

ИВАН. Спит? Я тихонько.

ИВАН встает идет в детскую, МАРИНА за ним.

МАРИНА. Я вызову полицию.

ИВАН отстраняет МАРИНУ, заходит в детскую. МАРИНА ищет телефон в складке дивана, пытается включить телефон, ищет зарядку для телефона и включает ее в розетку

ИВАН выходит из детской.

ИВАН. Где Лера?

МАРИНА молчит, возится с телефоном, ИВАН выхватывает у нее телефон и отбрасывает в сторону.

ИВАН. Лера где?!

МАРИНА забегают в детскую, выбегает из детской и бросается надевать пальто. ИВАН хватается МАРИНУ и трясет.

ИВАН. Где мой ребенок?!

МАРИНА. Она в саду, наверное.

ИВАН кидает на диван МАРИНУ и выбегает. Выходит ЮЛИЯ, которая качает сверток и поет колыбельную.

ЮЛИЯ В несчастный день маменька меня родила, без ума без разума замуж отдала.
(плачет за ребенка) Не надо плакать. (Плачет) Не надо! Не надо плакать! Не нааа...
(злбно бросает сверсток) ...Абьюз! Пьеса! Сцена шестая!

СЦЕНА 6

ПЕТР, ВЕРА

Флешбэк. Дача, лето. ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ в беседке читает. Над ним в свете лампы летают мотыльки. Едва слышно, как за лесом шумит шоссе. Трещат сверчки, или кричат совы, или кто там еще может кричать на даче в Подмосковье ночью. ВЕРА выходит в платье, выжимает купальник.

ВЕРА. Можно с вами?

ПЕТР. Конечно, котик (закрывает книгу) Только здесь комары летят на свет.

Выключим? (выключает лампу, остается гореть ночной фонарь-свеча)

Длинная пауза. ПЕТР в упор смотрит на ВЕРУ, ВЕРА отводит глаза и улыбается.

ПЕТР. Не спится?

ВЕРА. Привыкла поздно ложиться. А здесь и развлечь себя нечем.

ПЕТР. Книжку почитай.

ВЕРА. Да я не взяла ничего с собой.

ПЕТР. У Анны в средней комнате отличная библиотека.

ВЕРА. А вы что читаете?

ПЕТР поднимает книгу, чтобы ВЕРА видела обложку, она в полутьме наклоняется, чтобы разглядеть название, он внимательно разглядывает ее приблизившееся лицо.

ВЕРА. “Темные аллеи”. Мы как раз проходим.

ПЕТР. Я знаю.

ВЕРА. Откуда?

ПЕТР улыбается и молчит.

ВЕРА. А, ну да. Мне не нравится.

ПЕТР. Почему?

ВЕРА. Какие-то розовые сопли. Гадость.

ПЕТР. Гадость? “Темные аллеи”? Почему?

ВЕРА. Ну, все эти любовные сцены!

ПЕТР (удивляясь). Бунин вовсе не такой слащавый, как тебе кажется. Он скорее... он сладострастный. Циничный русский барин, который приходит и берет, что ему хочется,

с порога. Соблазняет девок, дворовых девок. Обещает жениться, и тут же уезжает – куда там? – в Кисловодск. Это либертинаж – эдакий игривый эротический цинизм – явление распространенное в русской аристократической среде. Он был свойственен и Пушкину – собственно, Пушкин так жил – и более или менее каждый барин русской литературы. Только Бунин добавляет сюда чувства – его герой пьянеет от этого всего, у него щеки девушек пахнут яблоками, он с грустью думает: а что если бы я и вправду женился на ней.

ВЕРА ежится от холода. ПЕТР снимает с себя пиджак, набрасывает ВЕРЕ на плечи.

ВЕРА. Либертинаж?

ПЕТР. Либертинаж.

ВЕРА. И что вы думаете об этом?

(пауза)

ПЕТР. Я думаю, что тургеневской девушке не стоит связываться с циничным барином.

ВЕРА. А если она тоже циничная?

ПЕТР. И в чем же ее цинизм?

ВЕРА. В том, что она любит чужого мужчину.

ПЕТР. Мы не выбираем, кого хотеть. Это не цинизм. Приходится чувствовать, что чувствуешь.

ВЕРА. И что же ей делать?

ПЕТР. Тут вопрос, что делать ему.

ПЕТР запускает руку ей под одежду, ВЕРА поднимает на него глаза, они целуются. / ВЕРА вырывается и отбегает, ПЕТР за ней, камера снимает крупным планом лицо ВЕРЫ и подходящего к ней ПЕТРА, который говорит “Раздевайся”, ВЕРА скидывает платье.

ЮЛИЯ с завыванием читает стихотворение возле свечи, ПЕТР дышит в шею ВЕРЕ.

ЮЛИЯ. (читает стих) Мой голос для тебя и ласковый и томный

Доступ – трансвагинальный, трансабдоминальный

Тревожит позднее молчанье ночи томной

Длина матки 36 мм.

Близ ложа моего печальная свеча

Горит;

Полость матки не расширена.

Мои стихи, сливаясь и журча,

Текут ручьи любви, текут, полны тобою,

Менструации с 14 лет,

Во тьме твои глаза блистают предо мною

По 4-5 дней через 28 дней.

Кожные покровы чистые сухие.
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Оволосение по женскому типу.
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

СЦЕНА 7

МАРАТ, МАРИНА. ЮЛИЯ.

Квартира взрослой МАРИНЫ.

МАРАТ. Не стоит этого делать.

МАРИНА. Но я хочу.

МАРАТ. Это нарушение всех основных правил психотерапии.

МАРИНА. Марат, даже я, не прочитав всех твоих книг, знаю, что это неправильно.

МАРАТ. (*серьезен*) Марина, в отношениях терапевт-пациент власть у терапевта.

МАРИНА. Марат, я не хочу идти к чужому человеку.

МАРАТ. Марина, это серьезные вещи.

МАРИНА. Я знаю. Именно поэтому я прошу **тебя** помочь мне.

МАРАТ. Терапевт должен быть чужим человек. Он не должен быть в отношениях с пациентом.

Пауза, во время которой мы понимаем, что у МАРИНЫ больше нет аргументов, и она не хочет продолжать разговор / МАРИНА отходит к столу, уносит посуду, в это время МАРАТ садится в кресло с блокнотом.

МАРАТ. Хорошо. Давай попробуем. Давай, давай. Начинай. Ну, что ты чувствуешь, что беспокоит?

МАРИНА. У меня много тревоги.

МАРАТ. Так.

МАРИНА. Я не могу ничего спланировать и сесть работать. Что-то не то, что-то все время не так, а что не так, не понимаю. В итоге я все время занимаю себя какой-то потоковой деятельностью: игры, сериалы, книжки.

МАРАТ. А расскажи, что в последнее время происходило в жизни.

МАРИНА. Ну, я вырвалась из созависимых отношений, ушла от мужа, которыйпил.

МАРАТ. Тебя это тревожит?

МАРИНА. Нет.

МАРАТ. А что вызывает тревогу?

МАРИНА. Меня тревожит, что я вижу много косвенных признаков, что у меня была сексуальная травма в детстве.

МАРАТ. Почему ты так думаешь?

МАРИНА. Я прочитала книжку об этом. И там почти все симптомы совпадают. Тревога, страх, тошнота. Я кажусь себе грязной, некрасивой, испорченной. У меня проблемы с едой. Ну, почти все там перечисленное... Меня возбуждают жестокие мужчины. Может быть, они возбуждают меня не поэтому?

МАРАТ. А почему?

МАРИНА..Навязанные культурные нормы. Литературные образы. Киносюжеты. Порнография.

МАРАТ. И ты не можешь отделить это от своих истинных желаний?

МАРИНА. А недавно мне приснился сон, будто я захожу в дом. И в этом доме чудовище, которое разлагается и ест части тел живых людей. И чудовище говорит мне: ты такая хорошенькая маленькая девочка, ты пришла сюда, и за это я заберу у тебя твои глаза, чтобы ты ничего не видела. И я понимаю во сне, что на самом деле я знала, что я сюда приду. Еще какие-то совсем дикие сны, где дети и мужчины незнакомые, но все происходит в моей квартире или на нашей даче... А недавно где-то между сном и пробуждением я как будто вспомнила ощущение, будто я маленькая, и что-то упирается мне в спину. И чувство ужаса от этого.

МАРАТ наливает воды МАРИНЕ, садится на диван

МАРАТ. Марина, ты заявляешь в работу абьюз?

МАРИНА. Да. Но в то же время я не очень помню, что это было.

МАРАТ. Есть ли какое-то раннее воспоминание, которому ты доверяешь?

МАРИНА. *(пьет воду)* Да, есть одно.

МАРАТ. Так. Давай восстановим его. *(тут в спектакле разыгрывается что-то вроде ввода в гипноз)* Кто ты? Сколько тебе лет?

МАРИНА. Я Маринка. Мне пять лет.

Тут в спектакле МАРАТ остается в той же “гипнотической” позе – держит руку на голове у МАРИНЫ; рука МАРАТА остается на месте, а МАРИНА встает и сомнамбулически, “по-детски”, идет, зажигается “луна”, на видео – паттерн обоев с листочками папоротника.

МАРАТ. Где ты находишься?

МАРИНА. Я в деревне у бабушки.

МАРАТ. Что ты делаешь?

МАРИНА. Я захожу в летний дом. Я закрываю дверь.

МАРАТ. Что дальше?

МАРИНА. Не помню. Помню, деревянный пол. Крашеный. Какой-то коврик, половик. Влажность такая прохладная, как бывает на дачах. И такое одеяло на кровати как плед, из таких ниток, плетёный, с узором каким-то. Кровать, а справа окно с такой узенькой деревянной рамой. И там за стеклом плюшевая игрушка, кабанчик, так прижимается

носом к стеклу, будто смотрит в комнату. Обои с папоротником, много-много листочков.

МАРИНА (*считает листья папоротника*) Один, два, три, я не могу, сорок три, я не могу вздохнуть... Я не могу! Я не могу...

МАРАТ. Марина, ты дышишь. Я здесь с тобой.

МАРИНА. Я не могу! Я не могу!

(гаснет экран и свет)

ЮЛИЯ. (*резко*) Стоп! Включите свет! (*передразнивая*) “Меня возбуждают жестокие мужчины”. Дура! Радуйся, что тебя кто-то возбуждает! (*издеваясь*) Наша артистка постоянно мучается. Но и вспомнить ни хера не может. “Было”, “не было”. Тебе заняться нечем?! Абыюз, абыюз – интересное слово. (*в зал*) Вам **название** понравилось? Зашли на форум, нашли семь признаков абыюза. Ах! (*хватается за сердце*) моя травма! Вам не кажется, что раньше не было столько диагнозов, а теперь у всех: депрессии, биполярное расстройство. (*нарастающий гнев*) Извращенный мозг – вот твой диагноз! Все у вас виноваты: родители, мужья, дети. Терапевт тебе стакан воды принесет?! Прежде чем папу с мамой топить, подумай об этом. Все теперь насильники, манипуляторы! (*издеваясь*) “Могу я открыть тебе дверь? Не будет ли это насилием?” Да прилепится жена к мужу своему!! Семья есть школа любви, школа благочестия, школа человеческого счастья! (*заходясь в проповеди*) Когда разрушается семья — уходит любовь. А уходит любовь — Христос уходит! “Любовь и верность твоему партнеру — твоя защита от СПИДа!”⁶

Гудок перехода в суд.

СЦЕНА 8

ЮЛИЯ (СУДЬЯ), МАРИНА, ИВАН.

Суд. ЮЛИЯ произносит реплики судьи.

СУДЬЯ. Пожалуйста, проходите в центр зала. Объясните свое отношение к разводу.

МАРИНА. Я хочу развестись с Иваном Нилиным, потому что мы не проживаем вместе и по факту не являемся супругами. Наш ребенок проживает со мной, поэтому я прошу законно оформить алименты.

СУДЬЯ. Почему не проживаете вместе с мужем?

МАРИНА. Не сошлись в быту. Не любим больше друг друга.

СУДЬЯ. Иван Нилин участвует в воспитании ребенка?

⁶ Цитируется социальная реклама из Московского метро

МАРИНА. Да, он берет Леру на выходные, но вообще она проживает со мной, прописана со мной. У нее своя комната. В детский сад она ходит по месту жительства. СУДЬЯ. Спасибо, можете сесть. Суд вызывает ответчика Ивана Николаевича Нилина.

ИВАН. Я согласен развестись, но хочу, чтобы ребенок после развода остался жить со мной. Мать не следит за Лерой.

МАРИНА. Что?

ИВАН. Она не одевает ее тепло, поэтому Лера часто болеет, может не покормить. А недавно... она забыла Леру в детском саду! И та прождала ее до самой ночи.

МАРИНА. Это все вранье. А тогда я просто опоздала!

ИВАН. У нее психические проблемы!

МАРИНА. Неправда!

ИВАН. Она наблюдается у психиатра!

МАРИНА. У психотерапевта! Я слежу за своей психикой. Да, у меня были определенные трудности, но сейчас у меня все в порядке, и я в состоянии воспитывать своего ребенка.

ИВАН. Она не может воспитывать ребенка. Я хочу, чтобы девочка осталась жить со мной.

МАРИНА. Нет

ИВАН. Да⁷

СЦЕНА 9

МАРИНА, АННА АЛЕКСАНДРОВНА, ЮЛИЯ

Квартира АННЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ. Во время разговора между ней и Мариной на диване сидит ЮЛИЯ.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Мариам открыла частную школу, литературную гимназию за городом. Зовет меня завучем.

МАРИНА. Мама, это же здорово.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Но я, конечно, не пойду: полный рабочий день, да и как я могу из “Правды” уйти?

МАРИНА. Вы же с Марьям мечтали: литературную гимназию, за городом. Уходи из газеты, папа найдет нового редактора.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Как будто я только редактор! Я правая рука. Я жена в конце концов.

⁷ Эпизод с судом был вдохновлен судебной аудиозаписью одной из женщин, с которой я беседовала при подготовке пьесы. Позже она выразила недовольство тем, как я использовала ее историю в спектакле, и возмутилась, что я не уточнила ее согласие на поздней стадии работы над текстом. Я понимаю, что для некоторых людей это может быть важным моментом, и сожалею, что я не учла этот аспект. Тем не менее я приняла решение сохранить эту линию в пьесе, так как она важна для драматургической структуры и художественной правды произведения.

МАРИНА. Бывшая жена. Твоя карьера не нарушит ваши отношения. Раз уж Вера не нарушила.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Как Лера? Все еще кашляет?

МАРИНА. Кашляет. В саду что-то подхватила.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Комбинезон ты не надеваешь?

МАРИНА. Ну, какой комбинезон, весна на дворе.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Заходила за ней в сад. Она сидит прямо на камне. А потом женские проблемы.

МАРИНА. Женские проблемы не от этого.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Конечно, зачем слушать мать, лучше морозить ребенка.

МАРИНА. Я не морожу ребенка, мама. И вообще я пришла не для этого.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. А для чего? Взять Леру на выходные?

МАРИНА. А ты можешь? Я бы сходила на группу.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Нет. Я не могу. Я не могу обслуживать твой образ жизни и твои выдуманные панические атаки, извини. Надо правильно питаться и пораньше ложиться спать, а не голову морочить себе...

МАРИНА. Я нормально питаюсь.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. ...Долечивать ребенка нормально, а не тратить деньги на шарлатанство. Ты посмотри на себя, как ты выглядишь? Я вижу, что ты меня в два раза младше, а выглядим мы одинаково, извини, но так быть не должно. Витамин D, Омега 3, витамины Opti Woman, коллаген, альфа липоевая кислота и лютеин для глаз.

Витамин D и Омега 3 – это святое. Я давно принимаю, результат очевиден.

МАРИНА встает с дивана и подходит к матери, которая сейчас за столом, втирает крем. ЮЛИЯ остается на диване в той же позе.

МАРИНА. Мама, кто был у нас на даче в то лето, когда ты писала диссертацию?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Что? Зачем это тебе?

МАРИНА. Кто был там из мужчин, кроме папы.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Из мужчин? Не понимаю, что за странные вопросы?

МАРИНА. Мама. Там был какой-то мужик, я хочу вспомнить, кто это был. Помоги мне.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Лето, когда я писала диссертацию. Какие глупости. Чем копать в прошлом, занялась бы настоящим. Работой. Ребенком.

МАРИНА. Мама, у меня все в порядке и с работой и с ребенком. Ответь мне на вопрос.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Я не помню. Никого не было.

МАРИНА. Ты даже не пытаешься вспомнить, попробуйся. Я ничего тебе не рассказывала?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Нет.

МАРИНА. Может, я вела себя как-то странно? Ты же писала, с кем я была? Вспомни.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Чем задавать вопросы, лучше бы поинтересовалась людьми вокруг тебя. Я, я, я – все, что тебя интересует это твое драгоценное “я”!

АННА уходит в другой конец комнаты. Оператор снимает из-за плеча МАРИНЫ.

МАРИНА. Это я не интересуюсь людьми вокруг?! Первое, что я спросила – это как у тебя дела? А ты спросила, как у меня дела? Ты вообще когда-нибудь спрашивала, как у меня дела? Ты говоришь о папе, о Лере, о Ване, о газете, о литературе – о чем-угодно, только не обо мне. Тебя вообще никогда не интересовала моя жизнь и что со мной происходило. Это ты всегда занималась только собой, своей любовью, своей работой, а на меня у тебя никогда не было времени. Я тебе только мешала. И сейчас, когда я тебя спрашиваю о том, что случилось, ты...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА дает пощечину МАРИНЕ/ это делает ЮЛИЯ, которая на последних фразах встает с дивана и подходит к Марине.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Хочешь поговорить про себя? Ты всегда была испорченной, эгоистичной, упрямой и бессовестной. Ты ни капли не ценишь, что мы тебе дали. Неблагодарная, у тебя было лучшее детство!

На последних репликах ЮЛИЯ выходит на авансцену. Гудок – сигнал к прениям.

СЦЕНА 10

ИВАН, МАРИНА, СУДЬЯ

Суд.

СУДЬЯ. Я вас предупреждаю, что за дачу ложных показаний вы несете ответственность. Назовите свою фамилию имя отчество

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Серова Анна Александровна.

СУДЬЯ. Где вы работаете?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Я работаю в газете “Новая правда”, редактором.

СУДЬЯ. Ответчик, задавайте вопросы.

ИВАН. Как вы можете охарактеризовать вашу дочь?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Несостоявшийся человек, не отвечающий за свои поступки.

Даже безответственный, пожалуй.

СУДЬЯ. А поконкретнее?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. По отношению к своему ребенку.

СУДЬЯ. Конкретно по отношению к Лере в чем это проявляется?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Она часто жаловалась, что ей не хватает сил на ребенка и требовала, чтобы кто-то был рядом с Лерой: либо я, либо Петр Алексеевич, либо отец Леры.

СУДЬЯ. Это ненормально? Это говорит о том, что она безответственная?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Марина часто признавалась, что она от ребенка устает.

СУДЬЯ. Как вы можете охарактеризовать отца Леры?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Когда Иван узнал, что Марина в положении, он был первый человек, который постоянно ездил и привозил ей то, что она просила, воду там...

МАРИНА. Алкоголизм Вани ты забыла?

СУДЬЯ. Комментарии будете делать в коридоре.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. У них не раз были попытки совместной жизни. Они заканчивались ссорами. Подробности я не знаю. Но он с раннего возраста общался с Лерой, брал ее гулять, сажал в рюкзак, мы еще смеялись: как Маша и медведь. Плюс он всегда покупал ей хорошие качественные вещи - ботинки, самокат, комбинезоны.

МАРИНА. Помните ли вы, как Ваня устраивал скандалы в подъезде? Как он бил ногами дверь, кричал, милицию мы тогда вызывали?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Рассказы помню, да. Но присутствовать ни разу не присутствовала.

СУДЬЯ. Дальше вопросы.

ИВАН. Как вы считаете, может ли Марина Петровна нанести вред психическому развитию ребенка?

МАРИНА. Я возражаю против такого вопроса

СУДЬЯ. По-другому вопрос сформулируйте.

ИВАН. Что вы можете сказать о некоем психологическом кружке, который посещает Марина?

СУДЬЯ. Суд снимает вопрос, как не имеющий отношения к делу.

МАРИНА. Почему? Я могу ответить: я занимаюсь своим психическим здоровьем, разве это плохо?

СУДЬЯ. С кем, вы считаете, ребенку лучше воспитываться и почему?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Я думаю, с отцом.

МАРИНА. Мама, что ты делаешь?!

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Я думаю, с отцом и с матерью. Как матери лишать? Я думаю, Марина — мама выходного дня. Она внимательная, она ласковая, на это у нее хватит сил.

Гудок. Затемнение.

СЦЕНА 11

ИВАН, МАРИНА, СУДЬЯ, ВЕРА

СУДЬЯ. Следующий свидетель. Назовите свою фамилию имя отчество

ВЕРА. Серова Вера Евгеньевна.

СУДЬЯ. Кем вы работаете?

ВЕРА. Я работаю корректором в газете “Новая правда”.

СУДЬЯ. Как давно знаете Марину?

ВЕРА. С детства. Мы учились в одном классе.

СУДЬЯ. А потом вы стали женой ее отца?

ВЕРА. Да. Мы с Мариной дружили с детства. Я бывала в их доме. У нас с Петром Алексеевичем завязался роман, и мы поженились.

СУДЬЯ. Вы продолжали дружить с Мариной?

ВЕРА. Сначала Марина не принимала наши отношения с Петром Алексеевичем. Но когда родилась Лера, Марина перестала справляться, и часто просила у нас помощи и оставляла Леру у нас.

СУДЬЯ. Как давно вы знаете Ивана?

ВЕРА. Ивана знаю тоже с детства. Он работает в газете, где работаю я и мой муж, Петр Алексеевич там главный редактор.

СУДЬЯ. Задавайте вопросы свидетелю

ИВАН. Как вы можете охарактеризовать стороны дела – меня и Марину?.

ВЕРА. Марину я не могу хорошо охарактеризовать, потому что она мне грубила. Каждый раз, когда у нас завязывался разговор, начиналось что-то истерическое, что я домохозяйка и ничего не понимаю, а она создана для более высоких целей.

СУДЬЯ. Когда у вас испортились отношения с Мариной?

ВЕРА. Когда Марина изолировалась от семьи, стала вести себя неадекватно, не разрешала Лере видеться с дедушкой, бабушкой.

ИВАН. Как вы считаете, может ли Марина Петровна нанести вред психическому развитию ребенка?

ВЕРА. Да.

МАРИНА. Знаете ли вы, что Иван алкоголик?

ВЕРА. Только с ваших слов.

МАРИНА. Почему вы не упомянули то, о чем я говорю публично?

ВЕРА. Мне об этом ничего неизвестно, кроме ваших параноидальных фантазий.

МАРИНА. Мы с вами перестали общаться не тогда, когда я стала изолироваться от семьи, а когда я сказала, что мой отец домашний тиран и абьюзер.

СУДЬЯ. Какое отношение ответ на этот вопрос имеет к делу?

МАРИНА. Отношение такое, что человек абьюзер и все женщины в семье его жертвы, и при этом покрывают его.

СУДЬЯ. Как вы считаете, с кем лучше воспитываться ребенку?

ВЕРА. Я считаю, что ребенок должен общаться и с папой, и с мамой.

СУДЬЯ. А проживать?

ВЕРА. Мне кажется, ребенку лучше проживать с папой, потому что он показал себя как человек, готовый постоянно заботиться, в отличие от Марины. Прошлым летом, когда у Марины случился нервный срыв, Иван неделю жил с Лерой, отказался от важной командировки.

СУДЬЯ. Есть еще вопросы?

МАРИНА. Нет!

Гудок

СЦЕНА 12

ИВАН, АННА АЛЕКСАНДРОВНА.

Флешбэк. Сон. ИВАН смотрит в окно летнего дома вместе с плюшевым кабанчиком (показывая ему, что происходит), затем слезает с табуретки и бежит в сторону главного дома, где все еще не убран праздничный стол. За столом в луче света сидит АННА АЛЕКСАНДРОВНА. / В спектакле: АННА АЛЕКСАНДРОВНА сидит и курит, ИВАН появляется в проеме двери и не может зайти, как будто его отделяет стеклянная стена.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Ваня? А ты что здесь делаешь?

ИВАН. *(испуган)* Я... Там... Там...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. *(тоже испугана, но скрывает)* Что такое?

ИВАН. Там... Я пошел посмотреть...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Так. Садись за стол, съешь торт.

ИВАН. Тетя Аня, тетя Аня...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Анна Александровна.

ИВАН. Анна Александровна, я пошел, тетя Аня, я пришел, а Марина...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Что ты все – “а Марина, а Марина”. Нравится она тебе?

ИВАН. Нравится.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. А что еще тебе нравится?

ИВАН. Она там...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Мультфильмы нравятся?

ИВАН. Нравятся.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. И мне.

ИВАН. Там...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. А какие мультфильмы тебе нравятся? Пластилиновые нравятся?

ИВАН. Нет.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. И мне очень не нравятся пластилиновые. Я люблю рисованные. Садись, Ваня, за стол, будем вместе торт есть.

ИВАН прорывается сквозь “стеклянную стену”

ИВАН. Анна Александровна.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Да.

ИВАН. Это сон?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Конечно, Ваня, сон.

В спектакле: МАРИНА медленно ходит возле проема правой большой двери (техлифт), в которой в контрсвете стоит ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ, и натягивает на себя несколько пар детских колготок. Она считает по-детски неправильно: один-два-семь-три-восемь-семнадцать. Она заходит в проем за ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, хочет обратно, но он кладет ей на горло руку, она не может выйти, в проеме загорается красный свет.

ИВАН: Это всего лишь сон.

СЦЕНА 13

ПЕТР, АННА АЛЕКСАНДРОВНА

Квартира АННЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ. Она накрывает стол. ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ подходит к столу. Говоря, садится за стол и начинает есть. В спектакле: оператор снимает отражение в сервировочной крышке.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. В обществе отсутствует какой-то чрезвычайно важный институт. Следствием этого является бесконечная война, амбиций, интересов. Уже нет никаких критериев – мы следуем импульсам. И что? Низшее уже повелевает высшим. И все это накрывается вот этим чудовищным лязгом – чудовищным лязгом вот этого самого бесконечного сражения. Тут выжить трудно, не то что сохранить гармонию. Гибнет культура. Жизнь, подчиняясь войне, возвращает нас в пещеры и катакомбы. А мы? Мы заслоняемся друг от друга гаджетами, симулякрами. Мы растрчиваем драгоценное вещество, коммуникативное вещество, продуктивность нашу, высокую сперму наших достижений мы растрчиваем на войну. И в конечном счете, дорогая моя, просто уничтожим друг друга, и неизвестно, появимся ли обратно. Это так, да. Останется только эта гигантская страна, с ее запасами воды и лесов.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ начинает есть, быстро и с аппетитом. АННА смотрит на него. Камера снимает крупным планом руки и рот ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Я думала, ты уже не придешь...

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Извини, что сегодня поздно.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Я все понимаю, завтра трудный день.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. *(заканчивает есть)* Бог с ним с этим судом. Я всё-равно не смог бы уснуть без твоего прекрасного ужина.

Встает. Чокаются, выпивают. Звучит музыка. ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ приглашает АННУ АЛЕКСАНДРОВНУ на танец. Танцуют. ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ начинает

“жрать” АННУ АЛЕКСАНДРОВНУ, и из этого “животного” состояния подает следующие реплики. Камера снимает сквозь бокалы.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Ты давно видел Марину?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Очень давно. Но она приходила к Вере.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Зачем?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Называла нашу связь педофилией. После десяти лет в браке.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Просто смешно. Она не владеет собой.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Она никогда не владела собой. Это я виноват. Я не поддержал её, когда Иван ушел.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Марина ищет мужчину, который якобы... что-то делал с ней в то лето, когда я писала диссертацию.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Какой мужчина?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Завтра на суде она может сказать, что это был ты.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. *(шутит)* Скандал какой-то...

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Именно так. Но после этого Леру нам не отдадут.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Перестань. Это несерьезно.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. А если завтра на суде она скажет, что это был ты?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Бред! При чем здесь... Суд не об этом!

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Скандал будет в любом случае.

Анна подходит к столу, достает распечатанные листы.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Это переписка Вуди Аллена с Дилан Фэрроу.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Я не совсем понимаю. *(Петр садится за стол)*

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Ты что, не знаешь этой истории?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Я знаю, что Вуди Аллен женился на своей приемной дочери. Я читал что-то очень давно про это. Его жена Миа Фэрроу, кажется, нашла на каминной полке голые фотографии, был скандал, а потом он на этой падчерице женился.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Да и до сих пор женат. А Дилан тогда же, в 1992 году, было семь лет. И она примерно тогда же дала показания, что Вуди Аллен ее домогался. Вуди Аллена оправдали, историю закрыли. А теперь уже взрослая Дилан написала открытое письмо о том, что Голливуд должен перестать чествовать Вуди Аллена и снова рассказала свою историю. Вуди Аллен тут же ответил на это письмо, что этого вообще не могло быть. Всю историю девочке нашептала Миа Фэрроу ее мать, пока они ходили за мороженым. То есть это месть бывшей жены.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Только не заставляй меня писать письма. Я же не Вуди Аллен.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Если будет шум, мы напечатаем эти письма: мы реагируем на мировую повестку, а кто хочет, увидит и ответ: история не нова. Все уже было.

(пауза)

Камера отходит на диван, снимает оттуда стол, ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ встает из-за стола, тушит свечу, подходит к АННЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Это огромная удача наша с тобой встреча.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Петр, можно спросить тебя первый и последний раз?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Да, конечно.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Ведь мы оба знаем, что там на даче никого из мужчин не было.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. И?

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. Ведь это все фантазии обиженного ребенка?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ набрасывается на АННУ АЛЕКСАНДРОВНУ, хватая ее за горло. Опомнившись, падает на колени и начинает целовать ее руки. Дальше за него говорит ЮЛИЯ

ЮЛИЯ (за ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА): Прости, котик. Не знаю, что на меня нашло, у меня давление. (Жестом изображает каждое слово) Стенокардия. Повышенная кислотность. Урология, проктология, ревматизм, китайский коммунизм, Ангела Меркель, санкции, взрывы в метро, пробки... Но как ты могла подумать!

Гудок перехода к прениям сторон.

СЦЕНА 14

МАРИНА, СУДЬЯ (ЮЛИЯ), ПЕТР

Суд. Здесь гудок длится приглушенный всю сцену.

СУДЬЯ. Следующий свидетель. Назовите свое фамилия имя отчество.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Серов Петр Алексеевич

СУДЬЯ. К кому-то из присутствующих вы испытываете личную неприязнь?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Я бы хотел бы быть выше этого.

СУДЬЯ. Как это понимать?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. не испытываю.

СУДЬЯ. Как вы можете охарактеризовать свою дочь?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Моя дочь сейчас находится в состоянии глубокого заблуждения, из которого, надеюсь, она выйдет.

СУДЬЯ. У меня большая просьба к свидетелю более конкретно выразаться.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Последние месяцы Марина сделала так, что наш любимая внучка, не может общаться ни с бабушкой, ни с бабушкой, ни даже с родным отцом.

Что, я считаю, очень неправильно и вредно для ребенка.

СУДЬЯ. с кем вы считаете ребенку лучше проживать и воспитываться?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. у ребенка должна быть семья. Большая дружная семья. В которой все любят друг друга, прощают друг другу ошибки. Такая семья, Которая на виду у людей, и в которой все дружат. Мы – такая семья.

СУДЬЯ. Я повторяю вопрос: с кем лучше ребенку проживать и воспитываться? С отцом или матерью?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Обязательно общение должно быть и с отцом, и матерью. Но в данном случае за то, чтобы Лера проживала с отцом. Потому что Иванне создаст такую ситуацию, когда кроме него никто не сможет общаться с ребенком.

МАРИНА. Сколько лет было Вере, когда вы впервые занялись с ней сексом?

СУДЬЯ. Какое отношение ответ на этот вопрос имеет к делу?

МАРИНА. Я не хочу, чтобы моя дочь общалась с этими людьми, именно потому, что мой отец педофил, а его нынешняя жена Вера и моя мать отрицают это. Я не бросаюсь подобными обвинениями голословно. Мне абсолютно не симпатичен Иван Нилин, но при этом я его в педофилии не обвиняю. Понимаете?

СУДЬЯ. Истец, я вас предупредила уже один раз.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Я благодарю вас, Оксана Александровна, за то, что вы меня ограждаете от этих оскорблений.

СУДЬЯ. Есть еще вопросы к свидетелю? (пауза) Суд объявляет о прекращении действительного брака между супругами Нилиным Иваном Николаевичем и Нилиной Мариной Петровной. Суд определил место жительства ребенка с отцом – Нилиным Иваном Николаевичем. Спасибо, можете быть свободны.

Гудок длинный. Свет в зал.

МАРИНА. Подождите. Как это? Я протестую! Разве это суд? Пусть опека спросит Леру, с кем она хочет жить! Ей нельзя к нему! Он чудовище, вы что не видите! / *(повторяет эти реплики, кричит).*

Свет на МАРАТА, который выходит из большой двери (техлифт) и начинает свои реплики (следующая сцена), в то время как МАРИНА садится в кресло и начинает надевать одни за другими детские колготки, которые ей выносит ЮЛИЯ

СЦЕНА 15

МАРАТ, МАРИНА, ЮЛИЯ

МАРИНА сидит в кресле. За ней ЮЛИЯ – крепит МАРИНЕ бант и дает цветные колготки. МАРИНА надевает колготки, МАРАТ медленно приближается к ней, четко, под прямым углом поворачивая на краю авансцены.

МАРАТ. Ничего не потеряно. Можно подать апелляцию. Можно написать открытое письмо, привлечь общественность. Можно подать в суд на Петра Серова, надо узнать,

какой срок годности по таким преступлениям.

МАРИНА. Надо выкрасть Леру – увести ее за границу.

МАРАТ. Это в тебе говорит паника. Еще не все сделано в правовом поле. Сейчас важно собраться. Тебе надо лучше заботиться о себе. Соблюдай режим – это очень помогает в стрессе. Ложись в одно и то же время. Ешь три раза в день. Хотя бы ложись пораньше. Может, какие-то витамины?

МАРИНА. Ее надо увезти сейчас.

МАРАТ. Надо бороться, а не бежать. Пить Б6, Б12, афобазол, чтобы оставаться в тонусе. А я буду помогать, буду рядом. Мы можем хоть каждый день созваниваться по скайпу.

МАРИНА. По скайпу?

МАРАТ. Я не говорил тебе? Меня взяли на пи-эйч-ди. В Торонто. Я переживаю, как ты будешь здесь без меня.

МАРИНА. Я – без тебя?

Мы никогда не обсуждали статус наших отношений, это моя ошибка.

МАРИНА. Статус наших отношений? Марат, ты несколько месяцев здесь живешь!

МАРАТ. Он бы все равно не дал Лере разрешение на выезд. Ты бы без нее не поехала.

МАРИНА. Ты ведь и не планировал брать нас с собой?

МАРАТ. Ты стала сильнее, и уже не нуждаешься в моей помощи.

МАРИНА. А ты видишь себя спасителем слабых и беспомощных?

МАРАТ. Ты хочешь сказать, что я тебя не поддерживал все это время?

(пауза)

МАРИНА встает с кресла, медленно и прямо подходит к МАРАТУ.

МАРИНА. Я просто в шоке.

МАРАТ. Я тоже. Думаю, нам надо помолчать по разным комнатам.

МАРИНА. Марат, здесь нет твоей комнаты. Здесь все комнаты мои, и я плачу за них.

МАРАТ. Ты попрекаешь меня? Может быть, выставишь счет?

(Пауза)

МАРАТ. Может, и мне стоит выставить счет? За всю поддержку, что я оказывал?

Сцена секса/насилия. В спектакле: МАРАТ держит в вытянутой руке ключи и роняет их. МАРИНА. застыв. стоит в детском банте и колготках. Все замедленно. МАРАТ расстегивает свой ремень, затем проникает рукой в колготки МАРИНЫ, разрывает их, нагибается к ключам, поднимает их и обратно сквозь колготки достает. Марина остается стоять, замерев.

ЮЛИЯ (за МАРАТА). Хоть бы сказала: “спасибо, Марат, за то, что поддерживаешь меня, за то, что сидишь с моим ребенком, за то, что носишь мне еду, за то, что бесконечно повышаешь мою самооценку и слушаешь всю эту грязь, которую я

рассказываю”. Быть жертвой, от всех получать помощь и ничего не отдавать взамен – как это удобно!

Музыка, как в кабаке. Переход к следующей сцене – сцене Торжества, во время которой МАРИНА остается стоять в центре сцены в той же позе.

СЦЕНА 16

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, АННА АЛЕКСАНДРОВНА, ВЕРА, МАРИНА, ИВАН, ЮЛИЯ.

Дача Серовых. Юбилей ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА.

В спектакле: Юбилей почему-то в баварском стиле. АННА АЛЕКСАНДРОВНА поет песню на немецком, посвященную ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ – это “Небо и Земля” Филиппа Куркорова: “Sag mir wo es ist? Sag mir wo es ist?”⁸ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ танцует с ЮЛИЕЙ, которая, как всегда, в “маске откровения” (обычно она у нее на затылке, а сейчас на лице). Актеры выносят длинный стол на авансцену. МАРАТ, как официант, расставляет посуду и пивные кружки. ВЕРА изображает беременную и орет, а потом вынимает скрученный шарф из-под платья. ИВАН валяется под столом. АННА АЛЕКСАНДРОВНА заканчивает песню тостом на немецком. Все садятся за стол спиной к залу, но камера снимает их лица. Едят – так же утрированно, как ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ ел в сцене выше, по-животному.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. ...Слепили им пельмени из трех мяс: баранина, свинина и говядина. Но я совершил ошибку: мы лепили-то лепили, но я не посолил фарш. Я-то сам ем несоленое, но я вижу, как люди хвалят-то хвалят, но рука тянется к соли...

В спектакле: ВЕРА громко смеется шутке – ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ резко берет ее за затылок и бьет головой о стол – ура! – кричат все в этот момент, поднимая руки вертикально вверх.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. А я никогда не солю много, но чуть-чуть посолить мясо нужно, чтобы раскрылся вкус.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. У хозяйек в России два порока, которыми ты не наделена: первый - пересаливать, второй - пересушивать. Они так боятся, что в мясе микроб может быть! ВЕРА. (Анне Александровне) А мне нравится, что вы кладете можжевельник в котлетки.

ПЕТР снова бьет – ВЕРА падает под стол.

ЮЛИЯ. (выходит с микрофоном) Друзья, я не собираюсь быть ведущим, который не замолкает: люди все собрались интересные, разговорчивые, в прыжках в мешках не

⁸ Перевод был сделан актрисой Ольгой Копыловой, которая пела песню и импровизировала тост на немецком.

нуждаются... Но хочу обратить ваше внимание на дату! Да, в этот день родился наш дорогой именинник, но еще сегодня, а по некоторым расчетам, послезавтра, должен произойти “глобальный катаклизм” или “фундаментальная трансформация мира”, а попросту говоря – конец света, друзья мои!

Смех, многократные удары головой о стол.

ЮЛИЯ-ВЕДУЩИЙ. Эсхатологи говорят, что в этот день “Земля и ее обитатели должны пережить физическое и духовное перерождение”, после которого, друзья мои, должна начаться новая эра... Ну и в целом все дальше будет хорошо – только не для нас! (*смех гостей*)

ИВАН встает, берет микрофон.

ИВАН Дорогой Петр Алексеич! Ни для кого не секрет, что вы для меня как отец. Вы мне заменили отца, которого у меня не было. Ваша семья всегда была для меня идеалом, маленьким раем, в который я приходил и забывал обо всем. Я помню – это очень стыдный эпизод, но я признаюсь – как однажды Анна Александровна выкинула старую игольницу, а я ее подобрал и забрал себе, потому что от нее пахло вашим домом (*гости выдают умиленное “мм”*). Я очень благодарен вам за то, что вы приняли меня в семью. Другой у меня нет! Но не только за это! Вы ввели меня в профессию, дали мне работу и не будет преувеличением сказать, что то, что я из себя представляю сегодня – это целиком ваша заслуга. С днем рождения, Петр Алексеевич! (*поднимает бокал, все выпивают*)

В спектакле: Звучит легкая музыка, все встают и начинают танцевать.

ВЕДУЩИЙ. Какой замечательный тост. Настоящее чествование патриарха семьи. Но я продолжу про конец света.

В спектакле: ВЕРА отнимает микрофон у ЮЛИИ, но ЮЛИЯ продолжает говорить в микрофон, когда ей удастся до него дотянуться.

ВЕРА. Я всегда заказываю баранину в кафе, потому что знаю, что баранов убивают наиболее гуманно. Есть большая культура зарезания барана. Во-первых, его режут ножом, а не забивают, как коров или свиней...

ВЕДУЩИЙ. Как это случится?

ВЕРА. ...тяжелым предметом по голове.

ВЕДУЩИЙ. Есть разные мнения:

ВЕРА. Во-вторых, баран – изначально жертвенное животное, он привык.

ВЕДУЩИЙ. Нас засосет черная дыра!

ВЕРА. Он не чувствует, что его ведут на казнь, как коровы или свиньи, и не волнуется.

ВЕДУЩИЙ. Или мы столкнемся с другой планетой. Или...

МАРИНА. Я бы хотела сказать тост!

ВЕДУЩИЙ А вы, я так понимаю...

МАРИНА Дочь.

ВЕРА. Хуечь!

В спектакле: Гости под тост МАРИНЫ в замедленном режиме совершают танец с синхронными движениями.

МАРИНА Я бы хотела произнести тост в честь юбиляра. Больше всего на свете папа ценил свободу. И вы знаете, как он ее ценит и защищает на страницах своей газеты. В нашей семье было столько свободы, что это вошло в противоречие с концепцией брака. Я даже не помню, когда мои родители развелись, потому что на моей памяти они никогда не жили вместе. Но папа очень часто приезжал. Он приезжал поесть. При этом он рассказывал нам о политике, о войне и разных несправедливостях, которые творятся в нашей стране... И мама всегда говорила мне, что он особенный. Мой отец не приносил еды, денег или одежды. Он был поставщик книг. С ним можно было говорить часами. Я очень гордилась папой. В шестнадцать лет у меня была лучшая подруга. Мой отец был настолько внутренне свободен, что трахнул мою подругу.

(Пауза)

АННА АЛЕКСАНДРОВНА. И что пельмени – понравились?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Понравились, только несоленые.

МАРИНА с напором продолжает тост под звон вилок / в спектакле: танец продолжается

МАРИНА Но никто не удивился этому. Все было какое-то очень мутное, мутное отношение ко всему внутри семьи. Но папа был мой друг, мой приятель. У нас был общий секрет. Я не помню, сколько мне было лет, но точно не больше пяти. Ничего особенного, просто папа закрывал дверь на ключ и говорил мне лечь на живот и считать листья папоротника на обоях. Он говорил, что он меня очень любит. Он прикасался губами к моим ногам и начинал вдыхать и выдыхать.

ПЕТР подходит к столу, мягко забирает у МАРИНЫ микрофон, проходит и садится за стол.

ПЕТР. Позвольте мне тоже сказать тост, я хочу, чтобы его услышала вся моя семья, которую я очень люблю и ценю. Это и Вера, которой я очень благодарен, и Анна, которую я глубоко люблю, и Иван, который мне как сын. И Марина, дочка, подойди сюда. Подойди, подойди.

МАРИНА подходит, садится на колени к отцу. Гости тоже медленно подходят к столу.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Послушай. Люди никогда не меняются к лучшему через ненависть, осуждение или через тем более приговор. Мы меняемся через прощение, любовь и веру в собственные силы.

МАРИНА. Гори в аду! Тварь, скотина, мерзкая сволочь! Сдохни, сдохни!

ВЕДУЩИЙ. Мариночка, вы закончили тост? Дело в том, что там приехал кабан, очень красивый кабан. Петр Алексеевич, вы сами будете разделывать кабана?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ. Кабан! *(резко встает, так что Марина падает с его колен, и меняет интонацию на праздничную)* Это же настоящий дикий кабан, дорогие мои! Дикий! Неприрученный. Но кабан. Мусульманам есть нельзя, потому что во-первых, свинья, во-вторых, имеет клыки. А христианам можно, потому что христиане находятся не под Законом, а под Божьей благодатью! Никто не может осуждать нас за пищу, которую мы едим и пьем! Иисус разрешил нам есть свинину, и спасибо ему за это. Дикая свинья – значит, нежирная.

Все шумно уходят (к техлифту). К МАРИНЕ подбегает ИВАН и обнимает ее на полу – вроде как “Пьета”. ВЕРА выходит на следующую сцену к микрофону в углу.

СЦЕНА 17

ВЕРА. МАРАТ.

Послесловие. (МАРИНА и ИВАН в той же позе остаются на полу)

ВЕРА. У меня была подруга, мы были как сестры. Я влюбилась в ее отца. Он говорил, что я такая чистая и хорошая, а он такой распутник, обуянный страстью. Но он меня тоже полюбил. Подруга перестала со мной общаться. Я забеременела, мы поженились, у меня случился выкидыш. Но мы продолжили жить как муж и жена. Пару раз он брал меня за горло и прижимал к стенке. Один раз схватил за волосы. Долго извинялся. Очень меня любил.

А потом Марина – это его дочь – обвинила его в том, что он к ней в детстве приставал. *(пауза)* Никто не поверил. Марина запретила ему видеться с внучкой. Он решил у нее внучку отобрать. Был суд. А потом Иван, это муж Марины, так как-то ее неудачно толкнул, и Марина умерла.

(пауза)

После этого я стала читать про домашнее насилие, признаки насильственных отношений – их там было штук сорок – все совпали с моей ситуацией. И я сбежала. Я осталась совсем одна.

ГОЛОС ТЕРАПЕВТА / МАРАТ (*появляется в дверях лифта*). И что вас привело сюда?
ВЕРА. Мне стали сниться кошмары.

Музыка, ВЕРА медленно проходит к МАРАТУ в дверь.